

Советская археология №2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 902
ББК 63.4
С56

С56 Советская археология №2 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 290 с.

ISBN 978-5-458-43365-5

«Советская археология», журнал, издаваемый институтом археологии АН СССР. Выходит с 1957, является преемником одноимённых сборников, издававшихся в 1936—59 (в. 1—30). «Советская археология» публикует материалы о важнейших открытиях советских археологов, знакомит с археологическими работами за рубежом. В журнале помещаются статьи по различным проблемам археологии и древней истории, вопросам экономики, социального строя, идеологии, искусства древних и средневековых обществ, публикуются новые археологические материалы, критические обзоры советской и зарубежной литературы по археологии, рецензии, статьи по методике археологических исследований. Тираж (1975) 3,3 тыс. экз.

ISBN 978-5-458-43365-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

1990 2

SOVIET ARCHAEOLOGY

Editor-in-Chief
S. A. Pletneva

Founded in 1957
Published quarterly

CONTENTS

Krizhevskaya L. Y. (Leningrad). Four Decades of Studies of the Stone Age in the Urals: Summing Up and Looking Forward	5
Rysin M. B. (Leningrad). Dating of the Complexes from Esheri	18
Korenyako V. A. (Moscow). On Sociological Interpretation of Bronze Age Sites (Burials of the Dandybai-Begazy Type)	28
Kurochkin G. N. (Leningrad). A Gold Vessel from Marlik	41
Smirnov K. A. (Moscow). The Burial Rite of the Dyakovo Culture	51
Timoschuk B. A. (Moscow). Shaping Class Relationships Among the Eastern Slavs (Settlements in the Ukrainian Regions in the Carpathian Foothills)	62
Pletneva S. A. (Moscow). Problems of Khazar Archaeology	77

Discussions

Matyukhin A. E. (Leningrad). On Some Controversial Problems of Dating the Palaeolithic (?) Site the Mountain of Do in Vietnam	92
Vishnyatsky L. B. (Leningrad). The Origin of Homo Sapiens: Traditional Conceptions and New Facts	99

Publications

Islamov U. (Samarkand). The Earliest Cave Palaeolithic Site of Sel-Ungur in the Ferghana Valley	115
Matveyeva N. P. (Tyumen). A Neolithic Site in the Surgut Region on the Ob River	127
Kuznetsova E. F., Madina S. Sh. (Alma-Ata). Studies of the Earliest Gold Objects in Kazakhstan	136
Andrukh S. I., Chernov S. I. (Zaporozhye). New Scythian Sites Between the Danube and Dnestr	149
Guguev V. K., Bezuglov S. I. (Rostov-on-Don). A Knight Burial of the Early Centuries A. D. from the Kurgan Necropolis of the Kobayakovo Fortified Settlement on the Don	164
Koltukhov S. G. (Simferopol). New Materials on the Periodisation and Reconstruction of the Defence Line in Napoli of Scythians	176
Finogenova S. I. (Moscow). Ancient Terra-Cotta Masques in the Northern Pontic Area	189
Kulakov V. I. (Moscow). Fibulae with Animal Heads of the Balts in the 5th-7th Centuries	204
Mironova V. G. (Moscow). Birch-Bark Scrolls from Staraya Russa (Findings of 1985)	216
Skobelev S. G. (Novosibirsk). Pendants with Umai, an Ancient Turkic Goddess	226
Pronin G. N. (Moscow). The 10th-11th Century Mounds with Cremation Burials and Stone Constructions at the Village of Bokovo	234

Notes

Viskalin A. V. (Ulyanovsk). Stratified Finds of Implements Made by Man in the Pleistocene from Ulyanovsk on the Volga	248
Kuznetsov V. A. (Ordzhonikidze). Burials of the 3rd Century in Kislovodsk	251
Troitskaya T. N. (Novosibirsk). A New Type of Memorials in Western Siberia	256
Kleschinov V. N., Molchanov A. A. (Moscow). A Coin of Vassili III from Smolensk	258

Book Reviews

Davidan O. I. (Leningrad). <i>Ulbricht I.</i> Der Verarbeitung von Knochen, Geweih und Horn im Mittelalterlichen Schleswig Ausgrabungen in Schleswig. Berichte und Studien 3. Neumünster, 1984	261
Koltsov L. V. (Moscow) Hunters in Transition. Mesolithic societies of temperate Eurasia and their transition to farming / Ed. <i>Zvelebil M.</i> Cambridge, 1986	264
Medvedskaya I. N. (Leningrad). <i>Khakhutaishvili D. A.</i> Early Iron Making in Colchis, Tbilisi, 1987	269

Chronicle

Gajiev M. G., Gajiev M. S. (Makhachkala). The 15th Krupnov Readings on North Caucasian Archaeology (Makhachkala, 1988)	274
Molchanov A. A. (Moscow). Archaeological Subjects at the International Symposium "Antique Balkan Studies-6" (Moscow, 1988)	278
Kirpichnikov A. N., Malevskaya M. V. (Leningrad). In Memory of Frida D. Gurevich	281
In Memory of Lucia V. Vankina	284

Л. Я. КРИЖЕВСКАЯ

40 ЛЕТ ИЗУЧЕНИЯ КАМЕННОГО ВЕКА НА УРАЛЕ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В 1987 г. исполнилось 40 лет со времени I Уральского археологического совещания, созданного по инициативе О. Н. Бадера. Оно положило начало планомерному и систематическому изучению археологии Урала вообще, и каменного века в частности. В январе 1988 г. в г. Перми, где происходило и первое, состоялось X археологическое совещание, одной из задач которого явилось подведение некоторых итогов изучения археологии Урала, различных доисторических эпох.

Что касается каменного века, то можно считать, что изучение его прошло три этапа. Кроме того, ему предшествовал большой и плодотворный период собирания древностей краеведами и любителями старины. Материалы этих сборов составили довольно прочную основу для последующих научных изысканий. В начале 50-х и 60-х годов были опубликованы две археологические карты: по Приуралью [1] и по Зауралью Свердловской обл. [2], где наряду с памятниками, исследованными в 30-х годах, были учтены все известные находки и местонахождения разновременных древностей. Таким образом, как бы подводился итог вкладу краеведов в научную археологию.

Первый этап изучения каменного века специалистами относится к концу 20-х — 30-м годам. До некоторой степени он был обусловлен общим подъемом народного хозяйства — началом строительства гидроэлектростанций и других объектов. С ними непосредственно были связаны работы в Приуралье, нашедшие отражение в печати [3—5]. В Пермском Прикамье была открыта и раскопана на высоком научном уровне группа памятников, среди которых стоянка Левшино, являющаяся в известной мере эталонной для позднего неолита, получившего наименование «левшинский этап». Некоторые общие вопросы, связанные с левшинскими материалами, в частности вопросы хронологии, составляют и сейчас предмет дискуссии [6, 7]. В Зауралье в это же время начались организованные Государственным Историческим музеем раскопки выдающихся памятников, ранее известных по сборам краеведов, в том числе Шигирского торфяника [8, 9]. Этот первый период был прерван Великой Отечественной войной.

Началом второго этапа — середина 40-х — конец 60-х годов — следует считать I Уральское археологическое совещание. На нем были заслушаны сообщения, суммирующие сведения по каменному веку, имевшиеся к этому времени, и разработана программа полевых и камеральных исследований на 4 года [10]. Для каменного века предусматривались работы по палеолиту и неолиту. Они включали, с одной стороны, продолжение работ 30-х годов, с другой — планомерное обследование бассейна Камы, преимущественно разведочными маршрутами. Этот второй период, связанный с именами О. Н. Бадера, К. В. Сальникова, В. Ф. Генинга, А. Х. Халикова и многих других исследователей, отличался от предшествующего планомерностью, систематичностью и целенаправленностью. Тщательное изучение материала позволило к концу 60-х годов создать ряд обобщающих трудов и систематизировать все имеющиеся данные. Этот период характеризуется прежде всего расширением территории работ. К эпицентру исследований в Зауралье — Свердловской обл. и в Приуралье — Чусовскому Прикамью прибавились районы: западно-сибирская равнинная

часть к востоку; Южный Урал к югу; бассейн Волго-Камья вплоть до Среднего Поволжья — к западу, бассейн Печоры и Северный Урал — к северу и северо-западу. Как известно, географические границы собственно Урала и прилегающих территорий трудноуловимы, поэтому в археологии, во всяком случае каменного века, исследователь определяет необходимые границы, следуя за материалом. Изучение вышеуказанных территорий дало огромную информацию, позволяющую существенно расширить проблематику. Многочисленные публикации избавляют нас от необходимости подробного освещения всего сделанного, отметим лишь опорные вехи. К ним прежде всего относятся исследования В. М. Раушенбах, продолжившей работы своих предшественников по изучению торфяников и стоянок Среднего Зауралья. Ею дан общий обзор неолита и бронзы Среднего Зауралья, пересмотрена датировка ряда памятников и предложена общая их хронология [11]. Стоянка Сосновый Остров, один из наиболее северных памятников, дала классический комплекс гребенчатой керамики, благодаря которому поздний неолит Зауралья получил название сосновоостровского [12]. Аналогичное значение имели раскопки Полуденковской I стоянки с уникальными жилищами и серийным керамическим материалом, содержащим как гребенчатые, так и накольчатые комплексы, а также с выразительным кремневым инвентарем. Стоянка оказалась эталонной для развитого неолита Зауралья, получившего название полуденковского этапа [6].

Работами на Андреевском озере (Тюменская обл.) был добыт обширный материал разновременных и разнокультурных памятников. Особое значение имела стоянка Козлов Мыс, на которой был выделен чистый комплекс накольчатой керамики, малоизвестной в начале 50-х годов и поэтому привлекавшей особое внимание. Он характеризовал, по мнению исследователя стоянки, самый ранний, первый этап неолита Зауралья, получивший название козловского [13]. Забегая вперед, отметим, что на Андреевском озере оказались богатейшие материалы, легшие в основу проблематики третьего этапа изучения каменного века.

Систематические исследования на Южном Урале позволили рассмотреть целый круг новых проблем, прежде всего детально изучить кремневую индустрию, послужившую основанием для определения специфики южноуральского неолита, установления направления культурных связей и рассмотрения некоторых аспектов этнокультурной проблемы в целом [14].

Первая систематизация неолита Приуралья, основанная на материале памятников Чусовского Прикамья, разработана только для периодов развития гребенчатой керамики, характеризующей все три периода. Первый и второй различаются лишь некоторыми деталями ее орнаментации. На третьем — левшинском — увеличивается круглодонность, появляется прямая форма края наряду с быгованием древних прикрытых форм. Эта схема, не имеющая стратиграфических и иных объективных подтверждений, построенная только на типологической основе, с самого начала вызывала некоторые вопросы. Тем не менее она вошла в научный оборот и используется еще и сейчас как приемлемая систематизация [6].

В начале 50-х годов выявлен неолит в Волго-Камье, и уже в середине 60-х годов было выделено несколько его этапов, причем первые докерамические, вслед за которыми определился этап с накольчатой керамикой и лишь за ним — с гребенчатой. Всего было представлено пять этапов, составляющих последовательное развитие культуры, имеющей генетическую увязку с открытым примерно в те же годы и в том же регионе мезолитом [15]. Эта схема развития неолита остается в силе и в настоящее время.

60-е годы в целом знаменуются подведением некоторых итогов. Еще в 1961 г. на II Уральском археологическом совещании О. Н. Бадером была дана общая характеристика проделанной работы между первым и вторым совещанием. Как оказалось, в этот период были исследованы и палеолитические (на Печоре и в Пермском Прикамье) и первые мезолитические памятники (также в Пермском Прикамье), вскоре появляются мезолитические памятники в бассейне

р. Белая [16], а в Нижнем Прикамье изучение мезолита идет быстрыми темпами. [17]

В конце 60-х годов выходят две монографии, в которых обобщены материалы по Южному Уралу [14] и по Нижнему Прикамью и Среднему Поволжью [18]. В эти же годы на широкой территории Приуралья и Зауралья исследуется также энеолит, часто на памятниках, содержащих разновременные остатки каменного века, хотя основное изучение этой эпохи приходится на последний этап. Неолитическая и энеолитическая керамика Урала, бесспорно, имеет некоторые, хотя и не очень четкие отличия в форме и орнаментальных мотивах. Сосуды более или менее вытянуты, с широким или менее широким горлом, прямостенные или слегка прикрытые, остродонные или более скругленные. Часто эти признаки трудноуловимы, и выделение той или иной эпохи (в липчинское или позднелевшинское время) происходит с известной долей условности. А плоскодонных сосудов баночных форм с негребенчатой орнаментацией керамика Урала, казалось, не знает.

Окончательным итогом этого двадцатилетия явилась периодизация всего обширного материала, предложенная О. Н. Бадером и В. Н. Чернецовым [6]. Согласно их концепции, четко выделяются следующие этапы. Для Зауралья — ранний неолит с прочерченной и накольчатой керамикой, сопровождающейся пластинчатой индустрией. Его сменяет развитый неолит с гребенчатой керамикой при некоторой доле керамики раннего неолита и далее — поздний этап, на котором развивается гребенчатая керамика и полностью исчезает прочерченная. Поздний неолит сменяется энеолитом (липчинская культура), где продолжает развиваться гребенчатая орнаментация и появляется ложношнуровая. Развитие индустрии идет по линии замены пластинчатых форм отщеповыми и применения вместо краевой сплошной двусторонней обработки. Расширяется употребление сланцевой индустрии.

Для Приуралья, как уже сказано, выделяются три этапа развития только гребенчатой керамики (материалы Нижнего Прикамья в схему не включаются [6, рис. 2]): боровоозерский, хуторской и левшинский. Схема эта казалась вполне достоверной и доказанной.

Вместе с тем уже с середины 60-х годов стали появляться новые материалы, не укладывающиеся в предложенную схему периодизации. Встреченные вначале в небольшом числе, преимущественно в зоне лесостепь, они в настоящее время известны на широкой территории Урала и прилегающих регионов. Изучение их знаменует собой новый, третий этап и является предметом современных изысканий. Речь идет о материалах, получивших название кошкинско-боборыкинских комплексов.

Совершенно очевидно, что первые находки боборыкинской (Боборыкино II) [19] и кошкинской (Кошкино V) [20] керамики, имеющие резко отличные от ранее известных в неолите Урала признаки, рассматривались авторами как явление, иное в хронологическом и этнокультурном аспектах. Плоскодонность, баночные формы, частичная орнаментация поверхности — все эти «поздние» признаки определяли их датировку энеолитом, причем южного происхождения. Оригинальные черты его заключались в архаическом орнаменте керамики отступающей палочкой и других негребенчатых стилей и в наличии развитой пластинчатой индустрии. Некоторые параллели этому явлению оказались в Приуралье, где Р. С. Габяшевым был выделен комплекс накольчатой керамики и пластинчатой индустрии, достоверно относящийся к энеолиту (II Тат-Азиевская и другие стоянки) [21]. Сейчас же мы стоим перед многочисленными фактами широкого территориального (вплоть до таяжской зоны и Нижней Оби) и хронологического распространения негребенчатой керамики, разнообразной по своим стилистическим особенностям орнамента (прочерченная, линейная, накольчатая и т. д.). Так, в раннем неолите подобная керамика представлена в памятниках типа Евстунихи, где она составляет чистый комплекс, без примеси «гребенки». Есть такая керамика и в стоянках полуденковского этапа, где она

сочетается с гребенчатой. И, наконец, эта керамика характеризует группу поселений Андреевского озера и на р. Исеть (Ташково I и др.). Именно здесь выделяется ее определенный кошкинский тип. По ряду признаков, в основном стратиграфических наблюдений, сейчас утвердилось мнение о датировке кошкинской керамики неолитом [22]. На широкой территории таежной и приполярной зон кошкинская керамика зафиксирована более четко, чем боборыкинская, хотя, надо сказать, при ее определении исследователи, к сожалению, не используют весь комплекс признаков, а довольствуются только орнаментальными мотивами. Это создает некоторую недостоверность ее характеристики и влечет ряд вопросов типологического плана. Но так или иначе бытование негребенчатой керамики зафиксировано в разные периоды неолита Зауралья — от раннего до энеолита включительно.

В то же время стали известны раннеолитические поселения, возраст которых подтвержден радиоуглеродными датами, где наряду с прочерченной существует гребенчатая керамика с достаточно развитым, считавшимся поздним для неолита орнаментом («шагающая гребенка»). Таковы памятники бассейна р. Конда — Сумпаньинские IV и VI стоянки [23]. Такая же ситуация известна и на раннеолитических озерных стоянках Тюменской обл. Таким образом, и гребенчатая керамика проходит через все этапы уральского неолита. Развитие ее на полуденковском и расцвет на сосновоостровском этапе сомнений или возражений не вызывают. Подтвердилось и предположение о том, что с кошкинско-боборыкинской керамикой связана специфическая пластинчатая индустрия, консервирующая многие архаические типы орудий и соответствующую технику их изготовления. В целом же можно констатировать две параллельные линии развития уральского (зауральского) неолита. Признание этого тезиса, однако, ставит в свою очередь ряд новых проблем.

За последние годы в Зауралье много сделано в области изучения энеолита не только в связи с кошкинско-боборыкинской проблемой. Эта эпоха наполнилась конкретно-историческим содержанием, нашедшим отражение в ряде вышедших работ [24; 25, гл. VII; 26], но, как ни странно, не нашедшим отражения в соответствующем томе «Археологии СССР». Можно считать установленным, что энеолит не только переходное время от каменного к бронзовому веку, и тем более не сфера археологической систематики [27, с. 8], но самостоятельная эпоха, занимающая значительный отрезок времени, в пределах около 1000 лет, и имеющая свои диагностические признаки. Это — время сложных этнических преобразований, в частности для Среднего Зауралья и прилегающих районов Западной Сибири, что выразилось в многообразии культур, сформировавшихся как на основе гребенчатого, так и накольчатого неолита: боборыкинской, липчинской, андреевской, кысыкульской, шапкульской, суртандинской. Большое значение в их формировании сохранили культурные связи, претерпевшие некоторые изменения по сравнению с неолитическими. Так, урало-среднеазиатский круг частично распадается и видоизменяется. Кысыкульские памятники входят в среднеуральские общности, что отчетливо прослеживается на формах хозяйства — дальнейшем развитии присваивающей экономики, но в то же время сохраняется урало-казахстанский круг как продолжение старых неолитических связей — в виде памятников суртандинско-ботайского типа с зарождающейся производящей экономикой. Возможно, имело место и прямое передвижение населения, выразительным примером чего является шапкульская культура с ее южноуральской индустрией [25].

Энеолит Урала характеризуется и своим прямым признаком — возникновением металлургического производства. Прослеживаются различные пути знакомства населения с металлом — через привозные вещи и формирование местных очагов металлургии [24]. Последнее устанавливается на Южном Урале. Металлургия — новый, высший этап развития производительных сил — влечет за собой рост производительности труда, развитие обмена и общий прогресс.

В связи с рассмотрением проблем энеолита уместно затронуть вопрос о тер-

минологии, применяемой к обозначению этого периода. Переходное время разными исследователями именуется по-разному: ранняя бронза, ранний металл, энеолит, палеометалл, медный век и т. д. Мы пытались подобрать разные признаки к разным терминам, однако эта попытка была неудачной. Сейчас как будто можно установить, что термины «энеолит» и «ранняя бронза» не синонимы. Переходное время, во всяком случае для урало-сибирско-казахстанской территории, делится на два периода: ранний — энеолит и последующий — раннюю бронзу. Энеолит — период, выделенный из каменного века как финальный этап позднего неолита. Ранняя бронза выделена из культур бронзового века как время, предшествующее ее расцвету. Если наметить воображаемую пограничную линию между каменным и бронзовым веком, то она ляжет между энеолитом и ранней бронзой. Некоторые исследователи уже пришли к таким представлениям, однако не все. Унификация же терминов необходима, в связи с чем мы и привлекаем внимание к этому вопросу.

Обращаясь к Приуралью, отметим прежде всего новые данные по неолиту и энеолиту. Важное значение имеет выделение волго-уральской культуры в степях данного региона [28]. Хотя существование культуры пока дискуссионно, памятниками ее закрыто долго и неправомерно существовавшее «белое пятно» на карте каменного века Урала. Между тем эта территория является в известной мере ключевой для представления о культурных связях на запад и восток по зоне степей. Именно они, связи Причерноморья и Прикаспия, обусловили своеобразие отдельных памятников или в целом волго-уральской культуры, через территорию которой они осуществлялись. Это своеобразие наиболее выразительно проявилось в области хозяйства, в котором, по-видимому, уже с неолита зарождались различные формы скотоводства. Проявилось оно и в специфике раннеэнеолитической керамики, где наряду с накольчатой присутствуют сосуды елшанского типа. Установленная динамика в развитии керамики происходит в основном за счет развития ее гребенчатых форм.

Что касается волго-камской культурной области, то для ее более полной характеристики первостепенное значение приобретают исследования последних лет на территориях, непосредственно примыкающих к волго-камскому эпицентру: в низовьях р. Белая и Волго-Вятском междуречье, где изучены памятники разных эпох каменного века, в первую очередь неолита и энеолита. Так, в начале 80-х годов в низовьях р. Белая, на ее правобережье, исследована компактная группа из 25 поселений, ранее известных, но почти не изучаемых, содержащих позднеэнеолитические и энеолитические комплексы (опорные памятники Сауз I и II). Раскопанные на широкой площади, они дают возможность достоверной характеристики остатков материальной культуры. Так, для них характерна крупнопластинчатая индустрия в сочетании с отщеповой. Первая сохраняет архаические (геометризированные) формы, однако они не повторяют в точности мезолитические, в основном благодаря своим размерам. Индустрия, хотя и имеет специфические детали, в целом близка инвентарю камского неолита, особенно за счет отщеповых форм: скребков, ножей и др. Керамика в своей основной массе гребенчатая (98%), включает лишь небольшую долю сосудов с насечками, характерную для всех этапов неолита, до энеолита включительно. При некоторых различиях в деталях, по основным признакам: полуяйцевидной форме, прикрытом крае, форме днища и др. — керамика эта входит в круг камского неолита. Керамику же с насечками по всей сумме ее технологических признаков следует считать органической составной частью керамического комплекса. В итоге общая характеристика остатков материальной культуры позволяет считать неолит нижнего течения р. Белая (ее правобережья) локальным вариантом камской неолитической культуры с гребенчатой керамикой [29, 30]. Весьма существенным является наличие среди многочисленных памятников с разновременными культурными остатками раннеэнеолитической стоянки Знарат с чистым комплексом ранней гребенчатой керамики [31].

Важный вклад в изучение волго-камской культурной области внесли иссле-

дования Удмуртского университета в Вятско-Камском междуречье, охватывающие эпохи мезолита — энеолита [32, 33]. Там выявлена и изучена на современном научном уровне большая группа неолитических поселений, сохранивших остатки жилых сооружений, позволяющих дать характеристику не только жилищ, но и реконструкцию неолитического поселка в целом (опорные памятники — Кыйлуд III, Моторки II, Чумайтло; последний имеет радиоуглеродную дату). Кремневая индустрия характеризуется наличием двух типов заготовок — пластин и отщепов. Среди орудий из пластин имеются вкладыши и орудия древних типов: угловые резцы, концевые скребки и другие, напоминающие мезолитические; среди орудий из отщепов — разнообразные наконечники стрел, в том числе постсвидерские.

Керамика четко делится на гребенчатую и накольчато-прочерченную, в основном залегающую совместно, при преобладании (численном) гребенчатой. По форме, орнаменту и технологическим признакам гребенчатая керамика близка камской. Посуда с накольчатым орнаментом по сумме признаков близка аналогичной нижекамской. По мнению исследователя, накольчато-прочерченная посуда не является местной, что позволяет ставить вопрос о сосуществовании двух этносов.

Не менее важное значение для понимания процессов развития камского неолита имеют исследования позднеолитического поселения Чашкинское озеро VI, где впервые для памятников верхне-среднего Прикамья (если не считать саму левшинскую стоянку) встречена накольчатая керамика нижекамского типа — плоскодонные сосуды с профилированным венчиком, украшенные насечками и различными наколами. Ее присутствие отражает усиление влияния южных культур в конце неолитического времени [34, с. 52, 53].

Вообще на позднем этапе неолита местное развитие камской культуры было нарушено: помимо южного влияния усиливается, как показал А. Х. Халиков, и западное, о чем свидетельствует проникновение балахинской ямочно-гребенчатой керамики. Появляются памятники, содержащие в одном комплексе ямочно-гребенчатую и гребенчатую керамику камской культуры.

С расширением территории исследования стали известны памятники энеолита в Камско-Вятском междуречье. Они объединены пока предварительно, в две группы: 1) памятники юртинского типа с преобладанием специфических черт, отражающих местное развитие, 2) памятники с чертами, приближающими их к волго-камскому энеолиту новоильинского типа [35].

Большой информативный материал получен исследованиями Татарского отряда Казанской экспедиции под руководством Р. С. Габяшева на левобережье низовьев р. Белая, охватившими Икско-Бельское междуречье [36]. Рассматривая материалы энеолитических памятников — Дубовогривского, Игримского и др., раскопанных на широкой площади, исследователь отмечает две традиции в развитии керамики. Первая развивает местные черты, уводящие к более раннему, левшинскому времени, заключающиеся в преемственности гребенчатой посуды; вторая выражена наличием воротничковой керамики с шнуровым орнаментом, имеющей аналогии в керамике самарской культуры. Наиболее ранними комплексами Р. С. Габяшев считает накольчатую керамику, рассматривая ее как пришлую, тем самым изменяя свою точку зрения на ее генезис, поскольку ранее он увязывал ее происхождение с местным мезолитом. Следующей за ней по времени он считает новоильинскую, хотя в то же время соглашается с О. Н. Бадером о происхождении последней из камского неолита. Впрочем, аналогичная ситуация — пришлый клин, а затем оживление местных традиций — явление, довольно широко распространенное. Систематические исследования энеолита продолжают и в самом Прикамье, изучаются новые памятники, так же как гаринские, борские и новоильинские комплексы. По мнению исследователей, все они относятся к раннему этапу энеолита, равно как и памятники с накольчатой керамикой. Однако пока вопросы их хронологической последовательности или культурно-хронологического соотношения и генезиса находятся в стадии разработки.

Особый круг вопросов возникает в связи с территорией распространения гаринской культуры или ее влияния путем различного рода культурных связей [37]. Конкретные их формы еще требуют изучения. Но так или иначе наличие камской керамики на нижней Вычегде [38] и в стоянках Европейского Северо-Востока [39] можно считать доказанным. Интересны в этом плане поселения марийского Поволжья, относящиеся, как правило, к разным периодам неолита (опорный памятник Дубовское III). В последнем содержится накольчатая керамика двух типов: первый аналогичен приказанской типа II Щербетской, второй имеет ближайшие аналогии в керамике Верхнего Подонья [40]. В памятниках финального неолита (опорными являются Красный Мост III и II) совместно залегают местная керамика и волго-окская (балахнинская), что позволяет считать стоянки этого типа зоной контакта двух обширных областей — волго-камской и волго-окской. Но вместе с тем они представляют собой восточный средневолжский вариант культуры ямочно-гребенчатой керамики [41].

Вообще соотношение и взаимоотношение двух основных культурных общностей — гаринской и волосовской лесной и лесостепной зон Восточной Европы составляют специальную проблему [42]. Границы волосовской культуры в последние десятилетия расширились в Поволжье далеко на юг, в бассейн рек Сура и Мокша [43].

Непосредственно как по тематике, так и территориально примыкают к Волго-Камью материалы кубышевского Поволжья, где в последние десятилетия изучен богатейший энеолит с уникальными памятниками, как, например, Съезжинский могильник [44]. Сейчас энеолит систематизирован, выделены его этапы, определена культурная принадлежность [45]. Эти исследования позволили создать конкретно-историческую картину взаимоотношения культур в широкой эйкумене Среднего Поволжья и Подонья. Отметим также исследования, проводимые в бассейне р. Белая, имеющие более отдаленное отношение к Камской культуре. Наиболее выразительными и территориально близкими являются поселения Давлеканово и Муллино, расположенные на левых притоках р. Белая — Деме и Ик. Оба они многослойные и содержат культурные остатки от мезолита до эпохи бронзы включительно. Наиболее отчетливо представлен энеолитический слой. Неолит пока представлен скупо, сведения о нем отрывочны. Основным источником для его характеристики является керамика, сходная на обоих поселениях. Эта гребенчатая керамика, имеющая по форме и орнаменту общие черты с керамикой камского неолита, позволяет отнести оба поселения, по мнению исследователей, к волго-камской этнокультурной области [26, 46].

Значительная группа поселений выявлена на р. Ай. Большинство из них многослойные, но есть и раннеэнеолитические с выразительной пластинчатой индустрией. Опорным памятником следует считать поселение Средняя Ока [47]. Отметим, что во всей обширной урало-сибирской и поволжской эйкумене не найдено ни одного могильника, известны лишь единичные погребения на стоянках.

Значение абсолютных дат для периодизации и хронологии общеизвестно. Имеющиеся сейчас в нашем распоряжении даты внесли в эти вопросы некоторую ясность. Однако полностью они удовлетворить нас пока не могут, поскольку многие из них, как говорится, «пляшут». Так, в Приуралье для неолита имеется лишь одна дата (Чумайтло) — 2220 ± 90 лет до н. э. Но имеющаяся тоже одна дата для энеолита (Непряха IV) дает 2470 ± 50 лет до н. э. Что касается даты Среднего Шадбегово, то пока в литературе не уточнено, относится ли она к новоильинскому жилищу или к неолитическим слоям этого поселения (5410 ± 50 лет). Для Зауралья получены серии дат. Наиболее показательны даты для памятников Кондинского бассейна, поскольку они дают серии для ряда памятников. Так, для Сумпаньи IV — несколько дат в пределах 6—7 тыс. лет. Но в то же время есть даты 10, 11 и 12 тыс. лет. На Сумпанье VI, по типологическим признакам одновременной Сумпанье IV, — две даты: 9 и 10 тыс. лет; одна дата — 6 тыс. и одна — 3,5 тыс. лет. Леуши VII дали три даты в пределах 6—7 тыс. лет. Материалы Горбуновского торфяника и Кокшарово-Юрьинской

стоянки, по предположениям исследователей, из мезолитических слоев и слоя III тыс. до н. э. дали даты, значительно омоложенные. Представляется, что в свете имеющегося материала можно для датировки в неолите опираться на даты от 6 до 7 тыс. лет. Более же глубокие, равно как и омоложенные, даты для тех же памятников и слоев следует пока только принять к сведению, не делая из них сколько-нибудь далеко идущих выводов.

Суммируя весь вновь полученный обширный материал, мы предлагаем, пока в предварительном плане, следующую его систематизацию. Для Зауралья: ранний неолит — памятники типа Евстюнихи с чистым комплексом накольчато-прочерченной керамики и памятники типа Сумпаньи с накольчатой и гребенчатой керамикой. На основании радиоуглеродных дат нижней границей неолита считать середину V тыс. до н. э., концом раннего неолита — начало IV тыс. до н. э. Развитой неолит, или полуденковский этап: совместное залегание гребенчатой и накольчато-прочерченной керамики — широко распространенный признак для неолита, характеризующий памятники от Южного до Северного Зауралья, от начала до второй половины IV тыс. до н. э. Поздний неолит: памятники сосновоостровского типа с гребенчатой керамикой и кошкинского типа с накольчато-прочерченной — от второй половины IV до начала или середины III тыс. до н. э. Энеолит — гребенчатые культуры: липчинская, шапульская, кысыкульская, суртандинская — и с накольчатой керамикой — боборыкинская — первая половина или середина III до начала II тыс. до н. э. Таким образом, две параллельные линии развития керамики отчетливо прослеживаются в раннем неолите (Евстюниха, Сумпанья IV, VI), позднем неолите (Сосновый Остров, Кошкино) и в энеолите (вышеперечисленные культуры). В развитом неолите такой ясности пока нет.

Каменная индустрия не имеет однозначной характеристики. Для Южного Зауралья, лесостепного Среднего Зауралья и прилегающих районов Западной Сибири характерна пластинчатая индустрия для всех рассматриваемых эпох. Она достаточно консервативна, так как содержит архаические, восходящие к мезолиту типы орудий. С течением времени одновременно развиваются отщепковые формы, предусматривающие сплошную вторичную двустороннюю обработку. В лесной и таежной зоне индустрия не имеет отчетливой характеристики. Ей присущи малочисленность, отсутствие серийности форм, преобладание отщеповой техники первичного расщепления, двусторонняя обработка преимущественно наконечников стрел.

В Приуралье ранний неолит представлен также двумя типами памятников в соответствии с разными керамическими комплексами. В раннем неолите — накольчатая керамика типа II Щербетской в Волго-Камье, сосуды елшанского типа волго-уральской культуры и памятники типа Зиарат с чистым комплексом гребенчатой керамики. В развитом неолите — памятники, характерные для боровоозерского и хуторского этапов, с гребенчатой керамикой (возможно, присутствует и накольчатая линия развития — по Габяшеву II Русско-Азиевская). Прослеживается совместное залегание гребенчатой керамики и комплексов с насечками и прочерченной. В позднем неолите — керамика левшинского типа и русско-луговского в комплексе с прочерченно-накольчатой. Последняя обнаружена, в частности, в эпицентре гребенчатой керамики, в Среднем Прикамье (Чашкинское озеро VI) и в памятниках Нижнего Прикамья. Для позднего неолита характерно нарушение линии развития влиянием или вторжением инородных племен (балахинская ямочно-гребенчатая керамика). К этому можно добавить усиление в это время влияния и южных культур, что проявилось на стоянках верхне-среднего Прикамья и в низовьях р. Белая в форме проникновения накольчато-прочерченной керамики. Для энеолита характерны памятники гаринско-борского и новоильинского типов и вместе с тем памятники с выразительной развитой накольчатой керамикой (Икско-Бельское междуречье). На периферии волго-камской культурной области развиваются оба орнаментальных стиля в собственных специфических формах. Таким образом, можно